

Ак. С.А. Виноградов.
«К притибодному»

Наталья Михаленко*

Осмысление мотива изгнанничества в периодике русской эмиграции (на материале журналов «Жар-Птица» и «Перезвоны»)**

В статье рассматривается мотив странничества, оторванности от родины русских эмигрантов, воплотившийся в стихах Саши Черного, князя Ф.Н.Касаткина-Ростовского, Л.Н.Столицы, А.М.Федорова, О.З.Далматовой, Б.Русланова, рассказах К.Д.Бальмонта, К.Притисского (Н.И.Мишеева), статьях И.А.Ильина, А.А.Оцупа, Вл.Н.Лодыженского и др., которые публиковались в журналах «Жар-Птица» и «Перезвоны». Особое внимание уделяется анализу философского осмысления изгнанничества, интерпретации образа утраченной родины в произведениях Русского зарубежья.

The article examines the Russian émigré's motive of wandering, being isolated from the homeland, embodied in the poems of Sasha Chorny, Prince Fyodor Kasatkin-Rostovsky, Lyubov Stolitza, Alexander Fyodorov, Olga Dalmatova, and B. Ruslanov, stories by Konstantin Balmont, K. Pritissky (Nikolai Misheev), articles by Ivan Ilyin, Alexander Otsup, Vladimir Lodyzhensky and others, which were published in the magazines «Firebird» and «Chimes». Particular attention is paid to the analysis of the philosophical understanding of exile, interpretation of the image of the lost homeland in the works of the Russian diaspora.

В журналах Русского зарубежья тема странничества, изгнания, жизни в рассеянии, возможности или невозможности будущего возвращения на родину является важной, ключевой. Сопоставляя жизнь в метрополии и эмиграции, прошлое страны с совершающимися событиями, писатели, поэты, философы, деятели искусства стремились осмыслить как свой путь, так и понять особый путь развития России.

В рамках такого художественно-философского дискурса поднималась проблема миссии эмиграции, нравственного подвига людей, оказавшихся на чужбине. Обращаясь к библейской символике, в стихах, рассказах авторы соотносили свои скитания как с путем блудного сына, покинувшего родной дом, так и с крестными страданиями, временем духовного совершенствования, аскезы. Они надеялись, что Россия, претерпев мучения, возродится, воскреснет.

В этом контексте не случайно и само название эмигрантского журнала — «Жар-Птица», точно обращающее

Ключевые слова: мотив изгнанничества, периодика Русского зарубежья, журнал «Жар-Птица», журнал «Перезвоны»

Keywords: the motive of exile, periodicals of the Russian Diaspora, the Magazine «Firebird», the Magazine «Chimes»

* Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН, Москва.
rinsan-tin@rambler.ru

** Статья подготовлена в Институте мировой литературы им. А.М.Горького РАН в ходе работы по гранту Российского научного фонда (проект РНФ №17-18-01432-П).

читателя к сказочному, утопическому образу утраченной необыкновенной страны, о возрождении которой мечтают люди вдалеке от родины¹. Заглавие «Перезвонов», вероятно, также связано не только с образом единства русских на чужбине — «перезваниваются между собой эмигрантские гнезда — Нотр Дам с Собором Петра, Стефаном и т.д.» (Письмо Б.К. Зайцева к И.А. Бунину, 19 октября 1925 г., Париж) [5, 23], но и с образом сохранения духовной связи с Россией.

Поэт, прозаик, общественный деятель Вл.Н. Лодыженский, осмысляя явление русской литературной эмиграции, в статье «Поэт долга и примирения», приуроченной к юбилею творческой деятельности Б.К. Зайцева, писал: «Судьбе угодно было сохранить в ней если не всех, то наибольшее число известных русских писателей. Эмиграция поистине унесла с собой литературную славу России. И для славы России, тоскуя о ней, продолжают они свое художественное творчество. Радуюсь, читает их эмиграция, и с такой же радостью из-под полы читает их лишенная своего исторического имени родина» [14]. Ассоциативно возникает образ ковчега, который среди жизненных бурь сможет сохранить русскую культуру. Примерно такими «ковчегами» должны были стать эмигрантские художественные журналы «Жар-Птица» и «Перезвоны».

С 1921 по 1926 г. в Берлине и Париже выходил знаковый в литературном процессе зарубежья журнал «Жар-Птица» — «шедевр русского печатного искусства <...> ничем не превзойденных ни до, ни после» [13, 449]. В числе его авторов были К.Д. Бальмонт, Л.Н. Андреев, Тэффи (Надежда Лохвицкая), Б.А. Пильняк, А.М. Ремизов, В.В. Набоков (под псевдонимом В. Сирин), В.Ф. Ходасевич, И.С. Соколов-Микитов и другие. Обложки оформляли И.Я. Билибин, Б.М. Кустодиев, Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов, Б.Д. Григорьев и другие известные художники. Литературным отделом заведовал поэт Саша Черный (Александр Гликберг), а редактором художественного отдела «Жар-Птицы» был Г.К. Лукомский. Как писала Е.М. Трубилова, «хотя журнал не стремился акцентировать свое политическое кредо, на эмоциональном

¹ О мифологическом образе России в журнале «Жар-Птица» См.: [15].

уровне не скрыть было ностальгической тоски по оставленной родине. Она пронизывала материалы разных жанров, отголоски ее можно было найти даже в статьях на внешне, казалось бы, нейтральные темы. <...> Художники и поэты, прозаики и критики “унесли Россию с собой”, о чем не раз говорят страницы журнала» [19, 135–136].

Близкий по общему тону, коллективу авторов и оформлению журнал «Перезвоны» издавался в 1925–1929 гг. в Риге. Он представлял собой богато иллюстрированный литературно-художественный еженедельник для семейного чтения (гл. ред. — С.А. Белоцветов). Как было отмечено в статье от редакции журнала, предварявшей № 1, «Перезвоны» — «орган художественного слова и русского искусства и старины» [17].

Б.К. Зайцев в письме И.С. Шмелеву (6 октября, 1925, Париж) так характеризовал «Перезвоны», отмечая широту авторского коллектива, патриотичный тон издания, многосторонность в создании образа дореволюционной России: «Жур<нал> этот литературный, без политики, со снимками, еженедельный, <...> провинциальный “семейный” журнал <...> Приглашены все т<ак> н<азываемые> “известные” писатели <...> У нас есть пока вещи Ремизова, моя, Тэффи, Черного. Написал, конечно, Бунину, да вообще тут парижский наш круг весь будет [5, 21].

Для участия в журнале были привлечены К.Д. Бальмонт, В.Ф. Ходасевич, М.А. Алданов, Д.С. Мережковский, Г.В. Адамович, И.А. Бунин, Тэффи (Н.А. Лохвицкая), М.И. Цветаева, Саша Черный (Александр Гликберг), И.С. Шмелев, М.А. Осоргин, А.И. Куприн, М.А. Алданов, А.М. Ремизов, Е.Н. Чириков, А.М. Федоров, А.В. Амфитеатров, В.Н. Ладыженский, С.Р. Минцлов, Ю. Галич, Л.Н. Столица и др. Как писал Крейд, литературно-философский дискурс журнала затрагивал в основном три темы: «дореволюционная Россия (переживаемая почти как «Святая Русь»), кровавые годы революции и эмигрантская повседневность» [11, 313].

Наибольшее развитие мотив странничества получил именно в «Перезвонах». Интересно, что интерпретация данной темы была тесно связана с тем образом родной страны, который создавался в том или ином произведении.

Путь страдания России часто сопрягался с крестным путем русской эмиграции, обязательным виделось пасхальное возрождение страны и воссоединение ее народа. Создавался образ неразрывной духовной связи русских людей со своей землей. Например, в стихотворении князя Ф.Н. Касаткина-Ростовского «Перезвоны»: «Как зов иль стон, / Со всех сторон, / Несется он, / Великопостный перезвон / Родных церквей... / Души печаль / С ним рвется вдаль, / В простор полей, / К лесам, холмам, / К родным снегам / И к прошлым снам!.. / В дворы усадеб, под кровли хат, / В сосновый бор, в заглохший сад / В забытый дом... / Всё близко там, всё нас зовет...» [9]. Как в кругу церковных богослужений постоянно повторяется история жизни, страданий и воскресения Христа, так и Россия, пройдя испытания, вернется на круги своя: «В чужой земле, бредя во мгле, / Мы жадно слушаем, как стон, / Великопостный перезвон. <...> / Тот звон твердит душе больной / — “Не плачь, не мучься, Бог с тобой, / Страдает Русь, в цепях невзгод / То — пост души! Но он пройдет. / Всю тяжесть общего Креста / Неси и ты! И вновь очам / Предстанет русский храм! / — Великопостный перезвон / Свой сменит он, / На мощный зов! / — Пасхальный звон колоколов / Тогда он бросит в свод небес, / Помчится счастья песня ввысь, / Тяжелый гнет цепей исчез!” / “Воскресла Русь! Христос Воскрес!” / — Жди, верный... Сильным будь!.. / Молись!» [9].

Ожиданием подобного пасхального чуда проникнуто и более позднее стихотворение Касаткина-Ростовского: «Мы серые птицы... Мы птицы печали, / Но сильными — будем душой до конца! / К родной стороне, из ненужной нам дали / Стремятся все наши сердца! // И верим мы... Верим, томясь одиноко, / Что, сил не имея страдать, / Промолвит нам Родина-Мать — издали: / “Родные! — вернитесь опять...”» [10].

Утратившим силы серым птицам противопоставлены здесь «злобные коршуны», которые «томят» Россию «цепью оков». Счастливого возвращения на родину не происходит: «Мы ждем тот призыв!.. — Но безмолвные дали / Несут, лишь туман нам сырой... // Мы серые птицы... Мы птицы печали, / С усталой, русской душой!..» [10] Птицы точно остаются в своео-

Журнал «Жар-Птица», № 6, 1921

бразном безвременье, не имея возможности вернуться в родной край.

Достаточно часто в эмигрантских произведениях образ птиц тем или иным образом связывался с мотивом возвращения в родную землю, хотя бы в воспоминании. В рассказе К.Д. Бальмонта «Москва в Париже» белые птицы, кружащиеся над городом, напоминают герою метель в России: «Я отдернул занавеску — и замер в восторге. Белые птицы, множество белых птиц, малых и побольше, весь воздух Парижа белый, и сонмы веющих белых крыльев. <...> Как в Москве — сто лет тому назад — сто лет? — меньше и много более, — как в Москве, что была на иной планете нашей жизни, когда Слово не было еще растоптано, а честность и доброта были совсем неудивительной повседневностью, — крутился тихий снежный вихрь, шел снег, падали снежинки, и вились, обнимались, целовались, прилетали, улетали, танцевали, веяли <...> затянулись парижские крыши белыми московскими коврами. Московия, — она ведь белая, моя Москва зовется Белокаменной. От храма до

Журнал «Перезвоны», № 36, 1927

храма в ней белый свет» [2, 225]. Герой точно вместе с птицами возвращается в утраченный город, представляющийся в виде «сорока сороков», своеобразного прообраза Небесного Града: «Ослепшее тело — прозревшая душа. Я в одно мгновение, весь вздрогнув, вижу безмерный город из белого камня. Москва. И слитным кликом безизмерным, приветствуя радость восполненного чуда, торжествуя возрождение того, что умереть не может, от храма к храму несосчитано гудят мои бессмертные колокола, только им дарованными звонными перезвонами» [2, 227]. Мотив изгнанничества благополучно разрешается, пусть только и в мечтах героя.

Бесприютность эмигрантской жизни, отсутствие пути, странничество в поисках дома сопряжены в стихах А. Авдеева (А.А. Оцупа) с размышлениями о гибели родной страны («Еще один бездомный год... / И, может быть, таких бездомных / И три, и пять еще пройдет / Среди дорог туманно-темных... / И, может быть, одни слова, / Одни лишь песни ветровые, / Что

где-то есть еще Москва, / Что где-то молится Россия...» [1]).

Но подобные думы разрушают надежды людей, оказавшихся в рассеянии, утрачивается путь к возвращению на родину. Стихотворение завершается «малиновым гулом белых звонниц...», верой в то, что Россия, как мистический Китеж-град, вновь возродится: «А все-таки Она живет! / И — слышите, Она зовет, / И медный зов плывет всё выше... / О, минет день и минет час / Великопостных покаяний — / Осушит слезы добрых глаз / Обряд пасхальных целований... / И на воскреснувшую Русь / Перекрещусь я богомольно, / Нетленных белых риз коснусь, — / И станет радостно и больно...» [1]

Похожий мотив встречается и в стихотворении Х.П. Кротковой: «Со мной — призыв и обещанье. / Я — не с тобой, далекий мой. / Но как-то горестно изгнанье, / и всё томительнее сны, / и всё нежней воспоминанье / твоей не-радостной страны» [12].

Эта противоречивость русского характера соотносилась некоторыми авторами со сложностью судьбы страны. Например, в сонете «Россия» А.М. Федорова: «У ней своя к спасению дорога»; «Она то в небе правды ищет строго, / Терзая дух и умерщвляя плоть, / То в злом кошунстве проклинает Бога» [20]). Но, по мнению поэта, именно из такого боренья и складывается сила русского духа, осмысляемая как витальность, благословенность страны, которые помогают преодолеть все тяготы пути: «Но Бога ей в себе не побороть. / Ее души мятежный мир чудесен, / Сокровищница смеха, слез и песен, / Молить, заклятий, сказок, колдовства. / Во зле продажна, в благе неподкупна, / Свята в гоненье, в вольности преступна / И на кресте распятая жива» [20].

Однако если в тексте писателя или поэта жизнь в СССР представлялась воплощением ада, где попораны все законы гуманности, то распадалась философская символическая кольцевая композиция текста (исход — странствие — возвращение), исчезала надежда. Временная структура становилась линейной — движением к гибели. В стихотворении О.З. Далматовой «В вихре» у изгнанников нет даже мечты об утопическом возвращении на родину: «Рыдают гулы, смеются звоны, / Кричат и люди, кричат и вещи... / Бессильно гаснут Его Законы. /

В туманах злобы, где бьются стоны, / Нет места правде, спокойной, вещей... // Душе усталой, как волчьи зубы, / Грозят сомненья оскалом жадным. <...> // А мы, как в вихре, — и в снах и в были... / Мгновенья, годы, — все мимо, мимо... / В раскатах гула, в завесах пыли, / Разя друг друга неумолимо, / Смеясь и плача спешим... к могиле» [6].

Образ непреодолимой преграды между жизнью за рубежом и в России создается в стихотворении Б. Русланова «Там...»: «...за синим грозным морем / Лежит страна — то Родина моя» [17]. Акцент поэт делает на оппозиции мученической судьбы своей страны, картин Апокалипсиса и бессмысленных споров эмигрантов о прошлом: «Поруган Бог, оскорблены святые, / В объятьях смерти мечется народ. / Поля цветущие — печальные пустыни... / И так идет за годом новый год», «Мы о путях потерянных все спорим, / А там... скорбит родимая страна» [17]. Изгнанничество связано здесь с бессмысленностью поиска давно потерянного пути, отсутствием какого-либо движения вперед.

Мотив тянувшегося ожидания, неустроенности эмигрантской жизни раскрыт в первой части стихотворения Саши Черного «Хохлушка (Акварель)»: «Нет быта... Быт собаки съели. / Мы все, скользнув в чужие щели, / Под серым западным дождем / На полустанке солнца ждем... / Но Музе скучно... Муза рыщет, / Упорно русских красок ищет, / Знакомых лиц и близких черт. / Что на пустую нить нанижем? / И вот в усадьбе под Парижем / Внезапно сядешь за мольберт...» [21].

В текстах зарубежья путь на русскую землю возможен только для святых, призванных исцелить народные раны, искоренить смуту и вражду. Так, в стихах Любви Столицы Георгий Победоносец «...кропит святой водою / Край, окапанный рудою...»; «Злых жезлом железным гонит, / А других на путь свой клонит / Как ягнят вешних стад...» [16].

Вера в то, что всё должно вернуться на круги своя, а изгнанники смогут вновь обрести дом, связана с представлением о необходимости духовной работы людей, оказавшихся на чужбине. И.А. Ильин в статье «О России» писал о том, что эмигрантам нужно сохранять устойчивость в своем нелегком пути, принимая испытания,

Как писал Ильин,
«...Родина есть выстраданные нами
и открывшиеся нам лики Божии:
в молитвах, иконах и храмах,
в песнях, поэмах и трагедиях;
в созданиях искусства и в подвигах
наших святых и героев».
И в «Жар-Птице», и в «Перезвонах»
с помощью литературных
произведений, иллюстраций,
оформления изданий создавался
образ утраченной страны,
близкий многим русским на чужбине.
Журналы как бы старались
актуализировать национальное
символическое ядро, способное
объединить людей в рассеянии

выпавшие на их долю: «Мы вынесли из падений всю полноту покаяния и всю остроту совестных угрызений, сознание своего ничтожества и близость к смирению. Но тяжести смирения мы не вынесли и меры его не соблюли: мы впали в самоуничижение и уныние; и решили, что «мы — ничто». И не справившись с этим бременем, вознаградили себя мечтанием о том, что «мы — соль вселенной...» [7, 600]. Поддержать людей в их странническом пути способна вера, «религиозное приятие и осмысление мира», «взыскание Града, это вечное прислушивание к поддонным колоколам Китежа»: «Чувство беспредельности, <...> дар пророческой одержимости — дала нам наша родина. Отречься от этого дара — значило бы отречься и от нее и от себя. А о том, как понести этот дар, не падая и не роняя его — об этом нам надо болеть и думать неустанно...» [7, 601].

О близкой миссии русского народа в изгнании писал князь П. Долгоруков в статье «День русской культуры». Он считал «оправданием беженства» работу по приобщению к национальной культуре молодого поколения, растущего за рубежом, называя такой труд «воссозданием России»: «И здесь, в беженском распылении, в тяжелых нравственных и экономических условиях русская культура жива и пускает ростки, несмотря на свою оторванность от родной почвы» [4, 598]. Таким образом, само изгнание

нивелируется, Россия остается в душах и сердцах эмигрантов.

Как писал Ильин, «...Родина есть выстраданные нами и открывшиеся нам лики Божии: в молитвах, иконах и храмах, в песнях, поэмах и трагедиях; в созданиях искусства и в подвигах наших святых и героев» [8, 686]. И в «Жар-Птице», и в «Перезвонах» с помощью литературных произведений, иллюстраций, оформления изданий создавался образ утраченной страны, близкий многим русским на чужбине. Журналы как бы старались актуализировать национальное символическое ядро, способное объединить людей в рассеянии.

На страницах изданий публиковались иконописные изображения, репродукции картин Н.С. Гончаровой, М.Ф. Ларионова, Н.К. Рериха, А.И. Куинджи, М.В. Добужинского, Н.П. Богданова-Бельского, В.В. Верещагина, Ю.П. Анненкова, Б.Д. Григорьева, В.М. Васнецова, С.Ю. Судейкина, а также большие статьи о творчестве художников, отразивших в своих работах черты национального архетипа (М.В. Нестеров, К.А. Коровин, И.И. Левитан, Ф.А. Малявин, И.Я. Билибин, И.Е. Репин, В.А. Серов и др.).

Как отмечал С. Горный (наст. имя — А.А. Оцуп), «...если хочешь вспомнить Русь, когда сердце склоняется долу, — понятно, видишь Левитана. И просторы дорог, и засохшие без дождей колеи, потрескавшиеся, в морщинах и сеточках. Родное бездорожье. Куда оно ведет нас? Не чрез молитвы ли давних картин обратно в Русь?» [3, 19].

Мотив изгнанничества, раскрывающийся на страницах журналов «Жар-Птица» и «Перезвоны», неоднозначно интерпретировался разными авторами. Связанный с ностальгией по утраченной родине, он интерпретировался как крестный путь эмигрантов, надеющихся на воскресение России и сохраняющих на чужбине национальную культуру. Иногда в раскрытии этой темы доминировали ноты утраты, скорби, возникал образ гибели страны, Апокалипсиса. Более часто тема странничества связывалась с утопическим видением будущего, возрождения дореволюционной жизни и возвращения эмигрантов на родину.

Литература

1. Авдеев А. (Оцуп А.А.) «Еще один бездомный год...» // Перезвоны, 1926, № 11. — С. 302.
2. Бальмонт К.Д. Москва в Париже // Перезвоны, 1926, № 9. — С. 225–227.
3. Горный С. (Оцуп А.А.) Левитан // Жар-Птица, № 7. — С. 16–20.
4. Долгоруков П., кн. День русской культуры // Перезвоны, 1926, № 20. — С. 598.
5. Зайцев Б.К. Письма 1923–1971 гг. // Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 11 (доп.). Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников; сост. Деич Е.К., Прокопов Т.Ф. — М.: Русская книга, 2001. — 509 с. — С. 5–304.
6. Далматова О.З. «В вихре» // Перезвоны, 1926, № 9. — С. 235
7. Ильин И.А. О России // Перезвоны, 1926, № 20. — С. 599–605.
8. Ильин И.А. Родина и гений // Перезвоны, 1926, № 22. — С. 683–688.
9. Касаткин-Ростовский Ф.Н., кн. Перезвоны // Перезвоны, 1926, № 16. — С. 462.
10. Касаткин-Ростовский Ф.Н., кн. Серые птицы // Перезвоны, 1926, № 20. — С. 618.
11. Крейд В. Перезвоны // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940 / Т. 2. Периодика и литературные центры / Под ред. А.Н. Николоюкина. — М.: РоссПЭН, 2000. — 640 с. — С. 311–313.
12. Кроткова Х.П. «Твоей нерадостной страны...» // Перезвоны, 1926, № 17. — С. 508.
13. Левитан И.Д. Русские издательства 1920-х годов в Берлине // Книга о русском еврействе 1917–1967. — Нью-Йорк, 1968. — С. 448–451.
14. Лодыженский Вл.Н. Поэт долга и примирения // Перезвоны, 1926, № 26. — С. 806.
15. Михаленко Н.В. Мифологизация России в журнале «Жар-Птица» (религиозно-философский аспект) // Парадигма, 2019, № 31. — С. 96–105.
16. От редакции «Перезвонов» // Перезвоны, 1925, № 1. Без номера страницы.
17. Русланов Б. «Там...» // Перезвоны, 1926, № 9. — С. 239.
18. Столица Л.Н. Видение // Перезвоны, 1926, № 14. — С. 408.
19. Трубилова Е.М. Жар-Птица // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940 / Т. 2. Периодика и литературные центры. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 640 с. — С. 134–139.
20. Федоров А.М. Россия. Сонет // Перезвоны, 1926, № 17. — С. 500.
21. Черный А. Хохлушка (Акварель) // Жар-Птица, 1925, № 4. — С. 89